

Методологические проблемы теоретической социологии

© 1994 г.

В.Г. НЕМИРОВСКИЙ

СОВРЕМЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ И РОССИЙСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ

НЕМИРОВСКИЙ Валентин Геннадьевич — доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Центра социальных исследований, технологий, инноваций (СИТИ) Красноярского государственного университета. Наш постоянный автор.

Думается, нет необходимости доказывать, что на определении предмета социологической науки, на характере ее методологии непосредственно сказывается национальная культурная традиция, как, впрочем, и конкретный социальный запрос. Например, европейская культурная традиция, по замечанию В.А. Ядова, сказывается, на развитии современной социологии как предметно ориентированной, а американская — как проблемно ориентированной. Европейская социология все более сближается с социальной философией, не отвергая исторических и правовых знаний. Американская же развивается в направлении анализа и решения актуальных социальных проблем, сближаясь с поведенческими науками, например, психологией и экономикой [1].

Весьма своеобразна африканская социологическая традиция, в основе которой лежит специфика исторического пути народов, населяющих этот континент, а также особенности их лингвистических систем [2]. Не менее экзотична для нас и восточная социология, выразившая богатство социокультурного опыта арабских стран, прежде всего, исламской религиозной традиции [3].

В нашей стране долго игнорировались культурные традиции, характер социологической науки многие годы определялся, в первую очередь, сиюминутным социальным запросом, выразившимся в «программных установках», сформулированных очередным вождем на очередном съезде, пленуме или ином явлении перед народом. Также четко действовало требование незамутнения первоизданной чистоты марксизма, строгого следования «священным» канонам и догмам. Однако и сегодня культурные традиции пока практически не оказывают влияния на развитие отечественной социологии.

Между тем, социально-политические перемены в стране привели к освобождению от теоретико-методологической гегемонии марксизма-ленинизма. Возникла ситуация теоретико-методологического вакуума, который заполняется за счет распространения западных социологических концепций, в основном, позитивистского характера. Предпринимаются попытки (к сожалению, не всегда удачные) издания западных социологических учебников, публикуется и отечественная социологическая классика. Однако активный поиск рыночно-демократической панацеи на Западе не всегда соответствует российскому менталитету и культурным традициям. Последние, будучи прерваны на семь долгих десятилетий, остаются недостаточно освоенными основной массой отечественных ученых и педагогов, воспитанных на марксистско-ленинском теоретическом базисе.

Культурные традиции и научная картина мира

При всей позитивности процесса приобщения к западным теоретическим источникам нельзя забывать, что далеко не все они соответствуют современному уровню развития науки. Например, многие из вводимых сегодня в научный оборот и изучаемых в вузах западных концепций опираются на научную картину мира, сложившуюся еще в XVII веке. Но сейчас ситуация в мире принципиально иная, нежели в эпоху зарождения и расцвета материализма. Капитализм с его буржуазно-пролетарским материализмом уступает место посткапитализму с новой классовой структурой и постматериалистическим мировоззрением (что, в частности, нашло проявление в социологии постмодернизма).

Современные тенденции мировой науки не обошли и нашу страну. С развитием кибернетики и синергетики внимание ученых все более привлекают процессы самоорганизации в различных системах: физических, живых, экономических, социальных. Ситуация, сложившаяся сегодня в точных, естественных и гуманитарных науках во многом напоминает положение, которое было в конце XIX начале XX веков. Комплекс новейших данных свидетельствует о том, что наука столкнулась с неизвестными ранее материальными явлениями' особой информационной природы. Для их описания, в частности, важное значение имеет известный принцип дополнительности, сформулированный Нильсом Бором. Использование таких взаимосвязанных, но взаимоисключающих понятий, как волна и корпускула, дискретное и непрерывное, силовое взаимодействие — информационное взаимодействие говорит о дальнейшем развитии диалектического подхода. Ведь именно неспособность воспринять единство несовместимого с позиций формальной логики, например, прерывного и непрерывного, вещества и поля, служит сегодня основным препятствием на пути познания мира.

Современная научная картина мира, опирающаяся на синергетический подход, дает основания для дополнения философского принципа всеобщей связи явлений положением об информационно-коммуникативной стороне этой связи.

Сегодня формируется новая картина мира, основанная на синтезе восточных и западных представлений, на единстве строгого рационального познания и полета свободной фантазии и интуиции. На смену линейному мировосприятию приходит дискретное, что прекрасно выражено в видеоклипах: точечность, разорванность, мгновенность изображения. На смену эволюционизму, который все объясняет через категории необходимости и случайности, детерминизму, в основе которого лежит закон механической причинности, приходит понимание самодетерминации в ответ на возможность, предоставляемые средой, признание дискретного характера действительности. На смену моноцентризму приходит полицентризм, который включает представление об изотропности пространства. На смену пониманию движения как равномерного приходит принцип пульсации.

Среди представителей наук о человеке в нашей стране принцип дополнительности использовали, например, А.Е. Шерозия для построения метатеории психологии [4]. В.П. Казначеев выдвинул концепцию существования наряду с белково-нуклеиновыми формами жизни ее полевых форм и полевых основ организации биосистем, через посредство которых реализуются «слабые экологические связи» [5,6].

Социолог Н.К. Серов также ведет речь о полевых структурах личности, проводя параллель между подобными современными терминами и древними понятиями «душа», «дух». При этом он полагает, что физическим субстратом надсознания-сверхсознания (которое «отвечает» за творческую интуицию) является некое коллективное силовое поле, создаваемое в непроизвольном физическом общении людей и воспринимаемое мозгом на подсознательном уровне [7].

Подобный подход позволяет не только объяснять многие «таинственные» случаи, но и выявить новые, неизвестные ранее закономерности в развитии человека, в его взаимосвязи с Космосом. Здесь нельзя обойти вниманием широко признанную этно-

логию Л.Н. Гумилева, исследующую влияние природных процессов на развитие человеческих цивилизаций [8—10]. Однако социология до сих пор оставалась вне новой научной картины мира.

Среди немногих исключений следует упомянуть лишь содержательную работу «Волновые процессы в общественном развитии», в которой социальная динамика анализируется с позиций синергетики [11]. Ю.М. Платинский опирается на системную динамику, синергетику при описании математических моделей динамики социальных процессов [12]. Цикл работ А.А. Давыдова посвящен теории и измерениям структурной целостности и дисгармонии социальных систем [13—15].

Эвристические перспективы отечественной культурной традиции

Сегодня самое время вспомнить о возможностях, которые открывает перед современной социологией обращение к российской культурной традиции. Ограниченный объем статьи позволяет нам затронуть лишь отдельные ее аспекты. Прежде всего, это идеи представителей русского антропокосмизма: Н.Ф. Федорова, В.И. Вернадского, К.Э. Циолковского, А.Л. Чижевского, которые рассматривали эволюцию социума как неотъемлемую часть природно-космических процессов. Весьма продуктивно обращение к философии всеединства, своего рода квинтэссенции антропокосмизма, представленной произведениями В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, П.А. Флоренского и других писателей. Нельзя обойти вниманием и экзистенциализм Н.А. Бердяева.

Уникальным самобытным мыслителем был и Даниил Андреев, сын русского писателя Леонида Андреева. Следуя древней мистической традиции, среди представителей которой можно назвать такие имена, как Гермес, Платон, Бемэ, Экхарт, Сведенборг, он продолжил духовные поиски христианского философа и поэта Вл. Соловьева. В книге «Роза мира» переосмысливается весь ход исторического процесса как путь исканий человеческого духа [16].

Один из центральных вопросов, рассматриваемых в антропокосмизме и философии всеединства — взаимодействие человека и универсума, микрокосмоса и макрокосмоса. Его анализ имеет важнейшее значение для разработки современной социологической теории, ибо позволяет по-новому взглянуть на пути решения многих ключевых проблем социологической науки.

Например, ставшее для нас привычным марксистское понимание сущности человека как совокупности общественных отношений противоречит российской культурно-философской традиции. Последняя рассматривает человека как универсальное существо, отнюдь не сводимое к окружающему его социуму. Так, Н.А. Бердяев связывает универсальность человека с его творчеством, с проявлением его микрокосмоса. Именно в творчестве человек реализует свое глубинное, вселенское измерение — свободу и соизмеримость с Абсолютом. При этом, согласно В.С. Соловьеву, существуют три степени творчества: абсолютная — мистика, формальная — изящное искусство, материальная — техническое искусство [17].

В данной связи методологической «реабилитации» требует и такое понятие как «мистика», которая, по определению В.С. Соловьева, есть не что иное, как творческое отношение человеческого чувства к трансцендентному миру [18]. «Только в мистической и оккультной философии, — пишет Н.А. Бердяев, — которой философы официальные и общеобязательные все еще не хотят знать, раскрывалось истинное учение о человеке как микрокосме, посвящался человек в тайну о самом себе. В мистике освобождается человек от его подавленности природным миром. Самая сильная сторона большей части оккультных учений — это учение о космичности человека, это познание большого человека. Только мистики хорошо понимали, что все происходящее в человеке имеет мировое значение и отпечатлевается на космосе. Знали они, что душевные стихии человека — космичны, что в человеке

можно открыть все наслонения мира, весь состав мира. Мистика всегда противоположна тому психологизму, который видит в человеке замкнутое индивидуальное существо, дробную часть мира. Человек не дробная часть вселенной, не осколок ее, а целая малая вселенная, включающая в себя все качества вселенной большой, отпечатывающаяся на ней и на себе ее отпечатлевающая. Психология мистиков — всегда космическая» [19].

Как высшую, драгоценнейшую и священнейшую способность человека, проявление им прерогативы его духа рассматривал творчество Д.Л. Андреев. Он писал, что всякое творчество, кроме демонического, совершаемого во имя свое и для себя, есть богосотворчество: им человек поднимает себя над собой, обоживая и собственное сердце, и сердца других. Причем творчество есть и право, и долг личности. Творить же можно во всем: в слове и в градостроительстве, в точных науках и в садоводстве, в украшении жизни и в ее умягчении, в богослужении и в искусстве мистериалов, в любви мужчины и женщины, в пестовании детей, в развитии человеческого тела и в танце, в просветлении природы и в игре [20].

Для российской культурной традиции в целом и философской в частности характерно пристальное внимание к духовно-нравственному миру человека, экзистенциальной и религиозно-нравственной проблематике. И человека, и социум она рассматривает как неотъемлемую часть природы и Космоса, стремится выйти за рамки повседневного бытия в бескрайний мир трансцендентности. Она во многом предвосхитила формирование новой научной картины мира. Аналогичные принципы и подходы на Западе развиваются в настоящее время, например, в рамках синергетики.

Анализ работ представителей антропокосмизма и философии всеединства как важного аспекта российской культурной традиции позволяет сформулировать целый ряд методологических выводов, принципиально значимых для разработки новой социологической теории. Отметим лишь некоторые из них. Прежде всего, несмотря на индивидуальные различия представителей описанного направления, все они рассматривают человека и его бытие в космическом измерении, как проявление фундаментального единства универсума. Человек предстает перед нами как творческое существо, играющее активную роль в формировании таких элементов универсума, как культура и ноосфера. Отсюда — высочайшая ответственность человека за свои дела и мысли, непосредственно вплетенные в пульсирующую ткань космической жизни. Поэтому важное место в новой социологической теории должна занять ценностно-аксиологическая проблематика. Необходимо найти подходы для исследования социальной деятельности человека в единстве ее природных, социальных, духовных детерминант, используя для этого достижения и методы естественных наук, гуманитарных дисциплин, в первую очередь, психологии, а также эволюции, традиционных эзотерических учений.

Надо сказать, что и на Западе идеи антропокосмизма находят свое продолжение и подтверждение в исследованиях современных ученых. Например, в работах И. Пригожина и представителей его школы о диссипативных структурах [21], исследованиях Ф. Дайсона о космических условиях существования жизни на Земле [22]. Но особый интерес представляют исследования американского психолога С. Грофа, показавшего, что новый взгляд на человека совершенно однозначно совпадает с древней мистической традицией: при определенных обстоятельствах человек может функционировать как безграничное поле сознания, преодолевающее пределы человеческого тела, и ньютоновское пространство, время, причинно-следственные связи [23].

Новая парадигма социогуманитарного знания рассматривает, в частности, человечество, как природно-космический феномен, имеющий прямые и обратные энергоинформационные связи с множеством других элементов Вселенной. Его эволюция происходит по общекосмическим законам, с цикличностью и дискретностью. При этом человечество отнюдь не является высшей ступенью развития материи; наряду с белково-нуклеиновой существуют и другие взаимосвязанные формы разумной жизни: полевые, плазменные и др. Эту парадигму мы называем «универсумной». Как

известно, универсум, в понимании, берущем начало еще у Лейбница, — «множество всех возможных миров», из которых один реален, а остальные мыслимы как логически возможные, т.е. непротиворечивым образом представляющие возможные факты или связи вещей. Иными словами, универсум — это мировое целое. Выделение структуры, логики и символов универсума проходит через основные памятники человеческой культуры: от древних мифов до Нового Завета.

Новая социологическая парадигма ориентирует нас также на поиск источников социальных инноваций на информационном уровне, а отнюдь не в сфере противоречий производительных сил и производственных отношений. Не случаен, кстати, современный «веберовский ренессанс»; М. Вебер, пожалуй, впервые в мировой социологии подробно исследовал роль феноменов информационного уровня в общественном развитии. Опираясь на сравнительно небольшой эмпирический материал, мы можем надежно прогнозировать направление развития различных социумов с помощью методик, используемых в естественных науках, рассчитывать наступление различных критических периодов в эволюции тех или иных социальных систем, предвидеть последствия управленческих решений и инновационных действий [24].

Сказанное приводит нас к необходимости определенной корректировки существующего понимания предмета социологической науки.

Новое понимание предмета социологии

Само по себе показательно, что в большинстве полемических суждений и критических оценок современного состояния социологии явно или неявно встает вопрос: что же это за наука и чем она должна заниматься? Несмотря на существующие сегодня известные различия в понимании предмета социологии — социальные общности и социальные отношения (В.А. Ядов), закономерности развития и функционирования исторически определенных социальных систем и механизмы их проявления (Г.В. Осипов), законы и формы проявления социальной (общественной) жизни (А.Г. Здравомыслов) и др., — есть нечто общее, что их объединяет. Это, во-первых, понимание социальности как основного свойства человеческого рода, за счет которого возникает общество и его структуры. Во-вторых, системный характер социальной реальности. В-третьих, ее закономерность и историческая обусловленность.

Вместе с тем предмет любой науки, в том числе и самой социологии, не является стабильным. Как и сам процесс познания, он постоянно развивается, изменяются представления о нем. Отнюдь не случайно, что социология становится все более междисциплинарной и деидеологизированной, углубляется понимание чрезвычайной сложности человеческого бытия. Например, благодаря успехам социобиологии, этологии и зоопсихологии постепенно становятся ясны единство и грань между социальной жизнью животных и социальной жизнью человека. Многочисленные исследования и эксперименты свидетельствуют, что, например, дельфины и шимпанзе могут общаться на языке жестов, их интеллект соответствует уровню умственного развития 4—5-летнего ребенка. В стадах слонов и антилоп, волчьих и птичьих стаях, не говоря уже о крысах и обезьянах, существуют властные иерархические отношения, подобные человеческим группам и коллективам. Многие социальные потребности, например, в общении, в доминировании, оказываются присущими не только людям, но и животным. Более того, у животных обнаружены элементы абстрактного мышления.

Напрашивается вывод, что отличительная черта человека как родового существа — не столько социальность (животные и даже насекомые, например, пчелы, муравьи, термиты образуют достаточно сложно организованные социумы), сколько духовность как ориентация на высшие ценности, как стремление к Абсолюту.

Именно духовности человечество обязано своим прогрессом. Те же социумы, которые были лишены этого качества, препятствовали его развитию, несмотря на

научные и технические достижения, скатывались до нравственного уровня животных стай. Духовное, рассматриваемое позитивизмом как метафизическая проблема и выведенное за сферу научных исследований, необходимо включить (наряду с социальным) в предмет социологии, что придаст ей более гуманистическую направленность.

В отечественной социологии и социальной философии происходила подмена значения этого понятия, которое не имеет ничего общего ни с образованностью, ни с эстетическим развитием человека. Под словами «духовная жизнь», как правило, подразумевают эстетическое, философское и вообще спекулятивно-отвлеченное переживание, в то время как традиционно в христианстве оно обозначало сугубо внутреннюю, опытно-мистическую жизнь верующего человека.

Таким образом, предметом универсальной социологии является эволюционирующий посредством человека социум в единстве его природных, социальных, духовных связей и проявлений, относящихся как к объективной реальности (внешнему миру, макрокосмосу), так и реальности субъективной (внутреннему миру, микрокосмосу). Выступая выражением современных тенденций синтеза естественно-научного и социогуманитарного знания, универсальная социология опирается на их методы и принципы: диалектичность, аналогю, дедуктивность, индуктивность, верифицируемость, эволюционность, иерархичность, биполярность, дополнительность, цикличность. Благодаря своему происхождению от многих, весьма «непохожих родителей» — научных дисциплин и направлений, универсальная социология использует различные категории и понятия, перешедшие как из традиционной социологии, так и восточной философии и системного анализа, современного христианства и эзотерических учений.

В заключение отметим, что универсальная теория соответствует современному социальному запросу, который определяет развитие этой дисциплины по двум направлениям. Во-первых, концепции, раскрывающие перед человеком стратегию его жизни в контексте эволюции Мира и социума как его непосредственной части. Во-вторых, концепции, близкие к поведенческим дисциплинам и имеющие сугубо прикладной характер, помогающие человеку избрать тактику социального поведения, разрешить свои проблемы.

Социологическая наука и социологическое образование в посттоталитарной России будут эффективными только в случае соответствия современному социальному запросу, сочетая в себе теоретико-методологический плюрализм и опору на отечественные культурно-философские традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ядов В.А. Перестройка требует научного знания о социальном субъекте общественных процессов / Социология перестройки. М., 1990. С. 186—187.
2. Zawiya O.B., Olufermi Taiwo. Towards an African Sociological Tradition: A Rejoinder to Akiwoko and Makinde / International sociology. V. 5. № 1. March 1990. P. 57—74.
3. Mahmoud D. Maouad. Ibn Khaldun: The Founding Father of Eastern Sociology / International Sociology. V. 5. № 3. September 1990. P. 319—336.
4. Шерозия А.Е. Психика, сознание, бессознательное. Тбилиси, 1979. С. 153.
5. Казначеев В.П., Спиринов К.А. Феномен человека: комплекс социоприродных свойств / Человек в системе наук. М., 1989. С. 121—133.
6. Казначеев В.П., Спиринов К.А. Космопланетарный феномен человека. Проблемы комплексного изучения. Новосибирск, 1991.
7. Серов Н.К. Личность и время. Л., 1989. С. 131, 164—165.
8. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и великая степь. М., 1989.
9. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1990.
10. Гумилев Л.Н. От Руси до России. СПб., 1992.
11. Платинский Ю.М. Математическое моделирование динамики социальных процессов. М., 1992.
12. Волновые процессы в общественном развитии. Новосибирск, 1992.
13. Давыдов А.Л. Методическое пособие по измерению структурной дисгармонии социальных систем. М., 1990.
14. Целостность социальных систем / Академическая программа «Человек, наука, общество: комплексные исследования» / Отв. ред. А.А. Давыдов. М., 1991.

15. Давыдов А. А. Принципы модульного анализа социальных систем. М., 1992.
16. Андреев Д. М. Роза Мира. Мета философия истории. М., 1991.
17. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания // Соловьев В. С. Соч. в 2-х т. Т. 2. М., 1988. С. 153.
18. Там же. С. 152.
19. Бердяев Н. А. Философия Свободы. М., 1989. С. 298.
20. Андреев Д. М. Роза Мира. С. 20—22.
21. Пригожин И., Схемчерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М., 1986.
22. Dyson L. Disturbing the universe. New York etc.: Futura McDonald and Co., 1983.
23. Граф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992.
24. Немировский В. Т. Введение в теоретическую социологию. Универсумная парадигма. Красноярск, 1991.